

Механикова Елена Анатольевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Кубанского государственного университета

ФЕНОМЕН СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ СУБЪЕКТА

Аннотация:

В статье рассматривается феномен смерти как необходимый экзистенциал философского мышления, который способствует аутентичной расстановке ценностей в социокультурном опыте субъекта. На примере русского экзистенциализма в творчестве Л. Шестова раскрываются смыслообразующие возможности обращенности человеческого сознания к пределу своего существования, к конечности бытия, что максимально интенсифицирует внутреннее духовное становление человека, дает целостное видение перспектив его жизненных устремлений.

Ключевые слова:

ценности, подлинность, кризис, духовность, экзистенциализм, смерть, опыт, смысл, деятельность, вера, религиозность, познание, реализация, стратегии.

Mekhanikova Elena Anatolyevna

PhD in Philosophy,
Assistant Professor, Philosophy Department,
Kuban State University

THE PHENOMENON OF DEATH IN THE CONTEXT OF PERSONAL FULFILLMENT

Summary:

This article examines the phenomenon of death as a necessary existential aspect of philosophical thinking, which helps to rank the values in the personal authentic sociocultural experience. Studying the case of Russian existentialism in works of L. Shestov the author reveals the meaning-making resources of human appealing to the limits of his existence, to the finitude of being, which intensifies to the maximum extent the inner personal development, provides a holistic vision of personal life aspirations.

Keywords:

values, authenticity, crisis, spirituality, existentialism, death, experience, meaning, activity, faith, religion, knowledge, fulfillment, strategies.

Современное постиндустриальное общество наряду с комфортными внешними условиями приносит в жизнь человека смысловую опустошенность, онтологический вакуум, обусловленный галопирующей экономикой, симулятивной темпоральностью и знаковой манипуляцией сознанием. Так, само существование субъекта становится проблематичным и иллюзорным в дискретном пространстве символически насыщенной, агрессивно воздействующей коммуникативной среды. Человек в редкие минуты, высвобожденные для созерцания и рефлексии, сталкивается с переживанием неподлинности мира, данного ему в социокультурном опыте, и утратой ценностных ориентиров, смыслополагания в деятельности. Социально детерминированное, коллективное «мы» сегодня вытесняет экзистенциально-ответственное «Я», что свидетельствует о дегуманизации современной европейской цивилизации и неустойчивости ее неаутентичных ценностей, сформированных в секуляризированной ситуации «отсутствия Бога», что сигнализирует о ее духовном кризисе и катастрофичном пределе развития.

Сегодня ощущается настойчивая потребность обращения философской мысли к экзистенциальным измерениям бытия и ценностям, имеющим трансцендентные, религиозные основания, раскрывающим огромные возможности реализации разнообразных устремлений человека, отражающих внутренние, индивидуальные аспекты его подлинного «Я». Так, русский экзистенциализм в лице Л. Шестова эксплицировал, философски отрефлектировал «пограничные ситуации» как некие пределы, которые превращают человеческую жизнь в некоторую осмысленную бытийную целостность. Шестовская антропология выступает прежде всего как онтология конечного существования, в которой философ определяет смерть как последнюю и самую значимую возможность, конституирующую человеческое бытие, тем самым определяя и выстраиваемые стратегии жизни. Взгляд с точки зрения смерти, по Шестову, есть единственный способ понимания жизни как таковой.

Смерть в экзистенциальной философии в целом непосредственно объединена с субъектом, вступающим в экзистенциальное измерение события, и ее смысл связывается скорее не с концом существования, а выступает как некий знак, указывающий на возможность перехода в иную интенсивность жизни. Таким образом, философ осмысливает смерть не столько как отрицательную силу, сколько как позитивную возможность для интенсификации внутреннего опыта. Абсурдность и трагизм смерти, по мнению Шестова, способствуют прояснению человеком смысла бытия и выявлению истинных ценностей. Для мыслителя «реально осознать» смерть

значит не только пережить ее как угрозу действительную и близкую, но и реально, фактически почувствовать «себя лично затронутым этой угрозой».

Вся классическая философская традиция, согласно Шестову, представляет свидетельство борьбы мышления со смертью: Декарт, Спиноза, Лейбниц видят опыт смерти как абсолютно внешний мыслящему существу, связанный с эмпирическим рядом событийности и выходящий за границы «чистого сознания». Философ обращает внимание на то, что действие смерти нейтрализуется в философской классике, так как оно принципиально немислимо, непереводаемо в план общезначимого, а связано с экзистенциальной настроенностью человека. Смерть не играет важной смыслообразующей роли в рационалистической философии и оказывается лишь случайным столкновением человека с чуждой силой, лежащей за пределами его жизни как разумного существа. Согласно классическим воззрениям, начало мышления связано с некоторой утратой чувства смерти, что и отмечается Шестовым, указывающим на некоторую парадоксальность, происходящую из этой подмеченной закономерности: изгоняя смерть из сферы чистой мысли, ей как бы представляются широкие полномочия в жизни, так как мышление как раз и ориентировано на усмотрение «мертвого», а не «живого». Картезианское «я мыслю» у Шестова смещается в план экзистенциального бытия, где привычное мышление обнаруживает предельную интенсивность, становясь «мышлением через собственную смерть».

Следует отметить, что шестовский дискурс открывает как бы двойной горизонт события смерти: с одной стороны, страх перед смертью как небытием, а с другой – существование смерти в человеке на бессознательном уровне, в различных аффектах и переживаниях. Интерес Шестова концентрируется вокруг человека, раскрывающего свое духовное содержание в направлении к собственной смерти как экзистенциальному пределу. Именно смерть выступает неким регулятивом, определяющим становление подлинного «Я», характеризующегося уходом от рациональных законов как основы традиционного миропонимания. При этом Шестов отмечает, что «беспристрастный» разум, представляющий рациональное «Я», элиминирует страдание и смерть, апеллируя к принципу целесообразности. Вслед за Паскалем Шестов усматривает в «целесообразности не думать о смерти» поверхностное, обыденное существование на уровне «развлечения», где человек устраняется от внутренней трагедии и обращается к внешним вещам, так как «обыденность не выносит того, что ей рассказывают безумие и смерть» [1, с. 160]. «Реально же осознать» смерть, то есть принять ее «откровение», по Шестову, – это парадоксальным образом дистанцироваться от разумной очевидности и перейти к внутренней очевидности, переживаемой в индивидуальном опыте. Именно «перед лицом смерти», по мнению философа, «в такой пограничной ситуации человек способен отбросить все обыденное и общепринятое, все, что закрывает от него истинный смысл» [2, с. 275]. В шестовском дискурсе отчетливо прослеживается мысль, что из предощущения смерти человеческая деятельность и мышление получают как перспективный, так и ретроспективный характер, потому что именно из понимания своей конечности человек определяет будущие цели и расставляет значимости в прошлом.

Рассматривая смерть как событие метафизического характера, Шестов исследует ее происхождение через мифологему грехопадения, отражающую характер библейского сознания. Наличие бытия, несовершенного и ущербного в сравнении с Богом, стало, по Шестову, результатом ложного самоутверждения «первых» людей, попытавшихся приобрести власть через разум и познание. Впоследствии смерть стала рассматриваться как «неопровержимое свидетельство богооставленности человечества», преодолеть которую без божественной милости невозможно [3, с. 6]. Тем самым Шестов подчеркивает, что «конечность» является отличием «здешнего» бытия от божественного, не определенным самим Богом и не заложенным в порядке творения, являющимся основой для драматизации человеческого существования. При этом смысл смерти как завязки онтологической драмы, по Шестову, в дальнейшем разворачивается на эмпирическом уровне, способствуя выявлению эмоциональных и духовных составляющих человека.

Хотя Шестов рассматривает бессмертие больше в ретроспективном плане – как некий утраченный идеал безмятежного существования, не знавшего смерти, в то же время философ отмечает возможность бессмертия в рамках как настоящего, так и будущего и связывает его с постоянной борьбой человека за утверждение своей индивидуальности. Как отмечает В.А. Кувакин, все в философии Шестова есть жизнь, и «даже смерть рассматривается им в контексте трансцензуса личности от одного порядка или состояния мира к другому» [4, с. 56]. Однако следует отметить, что Шестов акцентирует внимание больше на духовной динамике человека, для которого смерть является продуцирующим началом его внутреннего становления. Осознание непреложности смерти в философии Шестова коррелирует с состоянием высочайшей временной концентрации, схожей с хайдеггеровской «решимостью», что проявляется как форма подлинной временности, где безусловной ценностью становится мгновение.

В философском дискурсе Шестова, имеющем антропологическую ориентацию, смерть как бы проецируется на конкретный, реальный опыт, определяя его динамику и узловые моменты. Отсюда критическое отношение философа к современной науке с ее утилитаристской и позитивистской направленностью, стремящейся людям все объяснить, тем самым избавить их от страха и научить спокойно относиться к смерти. Для Шестова суждение «я смертен» связывается с величайшей драмой человеческого существования, которая в то же время представляет своеобразный катализатор внутреннего развития человека. При этом он акцентирует внимание на том, что смерть фундирует ценностное самосознание человеческой индивидуальности, под которой прежде всего понимается сознание ее незаменимости. Для философа неприемлемо гегелевское утверждение, что человек «должен в своем настроении возвыситься до той отвлеченной общности, при которой ему действительно все равно, существует или нет он сам, то есть существует или нет в конечной жизни» [5, с. 397]. Через «мышление о смерти» человек раскрывает свою самость, которой он не должен лишиться ни при каких обстоятельствах. При этом под самостью подразумевается не столько телесность, сколько целостное глубинное «Я», внеположное делению на идеальное и материальное, являющееся средоточием подлинности.

Согласно Шестову, «откровение смерти» – не есть отрицание жизни, а наоборот, скорее утверждение; только утверждение не той обычной «мышинной беготни», на которую люди заменяют себя, а подлинного существования, связанного с реализацией человеческой индивидуальности [6, с. 14]. По Шестову, «эмпирическая личность» именно через полагание смерти ускользает от «всемства», восходит к подлинному «Я» и к тому неведомому, где ей открываются истины, непохожие на абстрактные суждения.

Однако сама смерть, согласно философу, выступает не в качестве цели, а скорее как то, что должно быть преодолено, ее осмысление в рамках собственного будущего опыта становится своеобразным средством для иной динамики жизни, для прояснения ее смысла и раскрытия ценности бытия. В отличие от Ж.-П. Сартра, придающего смерти деструктивный характер и воспринимающего ее как «опустошение всех ожиданий» и лишение жизни всякого значения, Шестов оставляет за ней смыслообразующую роль и включает ее во «внутреннюю» жизнь субъекта не на уровне фактичности, а как регулятив, направляющий все его действия и придающий им значимость. По Шестову, человек, осознавая свое движение к смерти, выстраивает ценности собственного конечного бытия, направляет сознание к опытному познанию своих неограниченных возможностей и обретает состояние целостности «Я», для которого характерна вневременность и безусловность. Именно смерть для Шестова выступает импульсом к абсолютно иррациональному акту веры. Таким образом, феномен смерти в различных аспектах и коннотациях способствует в экзистенциальной философии оформлению личности, обретению подлинного «Я», что сопряжено с реализацией внутренних потенциалов человеческой природы.

Ссылки:

1. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М., 1992.
2. Евлампиев И.И. Абсолют как царство абсурда: Л. Шестов // История русской метафизики в XIX–XX веках. СПб., 2000.
3. Исаев С.А. Теология смерти. Очерки протестантского модернизма. М., 1991.
4. Кувакин В.А. Опровержение и предположение Льва Шестова // Философские науки. 1990. № 2.
5. Шестов Л. Сочинения : в 2 т. М., 1993. Т. 1.
6. Шестов Л. Неизданные письма // Русская мысль. 1969. № 2727.

References:

1. Shestov, L 1992, *Kierkegaard and existential philosophy*, Moscow.
2. Evlampiev, II 2000, 'Absolute as the realm of the absurd: Shestov', *Russian history of metaphysics in the XIX-XX centuries*, St. Petersburg.
3. Isaev, SA 1991, *Theology death. Essays Protestant modernism*, Moscow.
4. Kuvakin, VA 1990, 'Disclaimer and assumption Lev Shestov', *Philosophical Sciences*, no. 2.
5. Shestov, L 1993, *Works in 2 volumes*, Moscow, vol. 1.
6. Shestov, L 1969, 'Unpublished letters', *Russian thought*, no. 2727.